

УДК 930(091)

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ПЕТИЦИОННОЙ КАМПАНИИ МУСУЛЬМАН 1905 ГОДА*

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Вместо предисловия

Первая российская революция, ставшая общенациональным событием и предзнаменованием глубоких социальных потрясений в империи, оказала огромное воздействие на самодержавие и российских подданных. Революционные выступления народных масс, демократизация общественной жизни в стране способствовали, с одной стороны, активизации и консолидации региональных лидеров, с другой стороны – изменению поведения сановников.

Самодержавие, осознающее необходимость перемен в государственно-церковных отношениях и корректировки принципов этноконфессиональной политики, наконец, первым сделало шаг навстречу чаяниям нерусского населения страны, стремясь предотвратить трансформацию существующего глухого недовольства, доносившегося из окраин и анклавов компактного расселения нерусских народов, в нечто большее и непредсказуемое. Русско-японская война 1904–1905 гг. сняла с глаз российских подданных пелену восхищения и веры в непобедимое могущество русского самодержавия, более того, она показала слабость Российского государства и политического строя.

В данной ситуации оказались востребованы новые тактические при-

емы, уловки, направленные на реабилитацию имперской власти в глазах подданных. Именным Высочайшим указом «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г.¹, было заявлено о намерении власти провести широкие реформы в общественном устройстве России, в том числе в сфере государственно-церковных отношений с целью упразднения существующих «стеснений» российских подданных, принадлежащих к неправославным конфессиям (п. 6), а также пересмотра «действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи» (п. 7).

Этот законодательный акт может считаться отправной точкой для всех последующих событий общественной жизни тюркских народов России в период Первой русской революции. Предпринятые правительством первые шаги по реализации именного указа от 12 декабря 1904 г. укрепляли уверенность в воплощении их мечты о равноправной жизни и избавлении от статуса пасынков в России. Следующим шагом верховной власти, оказавшим огромное влияние на общественное настроение народных масс, стал именной высочайший указ «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмот-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-11-16003/15(а/р).

рения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 февраля 1905 г., предоставивший российским, «радеющим об общей пользе и нуждах государственных» «частным лицам и учреждениям» подавать петиции на имя императора «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Их рассмотрение возлагалось на Комитет министров². Указ был направлен на укрепление монархических иллюзий и доверия к императору – защитнику всех российских подданных, независимо от их вероисповедания и сословно-социальной принадлежности, и самодержавию в целом.

Важно отметить, что до этого времени в Российской империи по действующему законодательству петиционного права не существовало. Право коллективных ходатайств принадлежало только общественным и сословным собраниям, в пределах местных насущных проблем. Такое право распространялось на дворянские собрания и, отчасти, на собрания земств и городов. Причем, свои прошения государю могли адресовать исключительно дворянские собрания. «Никакое ходатайство («петиция») ... не должно было касаться государственного устройства, управления или интересов других сословий, быть выражением общественного мнения. Всегда все предложения, которые выходили за рамки местных и сословных интересов и касались общих государственных вопросов, считались противозаконными и их авторы зачастую привлекались к ответственности и наказанию»³.

Нужно признать, что в отношении нерусских подданных новый внутриполитический курс правительства оказался успешным. Инициатива правительства вызвала петиционную кампанию среди поляков, финнов, литовцев, тюркских и других народов империи. Она позволила в столь кризисное для имперской власти время отсечь от антиправительственных действий большинство нерусских подданных. Национальные элиты, с ликованием встретившие новые лозунги правительства, занялись своими проблемами и оказались вовлеченными в объявленный властью диалог. Конечно, свою роль сыграла сформированная в течение столетий всеми институтами власти вера в российского государя, как гаранта своих прав, и искреннее убеждение в том, что данное им обещание будет непременно выполнено. Возможно, в революционной ситуации, когда в одночасье рушились вековые устои, многим хотелось верить в некое чудо.

Общенациональными событиями жизни российского общества стали такие законодательные акты, как манифест от 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, манифест от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной Думы», манифест от 17 октября о демократических свободах. Они означали точки невозврата для российского общества. Именно этими законодательными актами, по сути, были определены границы расширения прав нерусского населения.

В то же время, уже в 1905 г. намечались новые нотки в риторике власти. Согласно манифесту от 6 августа 1905 г., впредь все новые законы должны были предварительно рассматриваться и утверждаться в Государственной думе. При этом российским подданным запрещалось командировать в Государственную думу депутации, а также «предостав-

лять словесные и письменные заявления и просьбы», что, по сути, означало аннулирование императорского указа от 18 февраля 1905 г. о свободной подаче петиций. Таким образом, период с 18 февраля по 6 августа 1905 г. был временем официального диалога власти и законопослушных подданных. С 6 августа 1905 г. наметился пересмотр самодержавной властью принципов взаимоотношения с подданными. Права, состояние безусловного доверия к власти у либералов сохранялось еще несколько месяцев, а именно – до разгона депутатов 1-го созыва Государственной думы.

То, что казалось в конце 1904 г. – начале 1905 г. безусловно необходимым, после спада революции теми же чиновниками стало восприниматься как проявление слабости власти. С позиций начала XXI в. можно утверждать, что указы от 12 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. имитировали намерение самодержавия установить диалог со своими подданными на предмет проведения ревизии и упразднения ранее принятых законов, ущемляющих конфессиональные и национальные чувства и права нерусского населения и раскольников, и разработки новых, справедливых законов, основанных на равноправии.

Атмосферу, охватившую мусульман в период петиционной кампании, особенной весной 1905 г., на которую пришелся ее пик, можно назвать временем пробуждения от спячки тюркских народов империи, временем мечтаний. Указы от 14 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. сыграли важную роль на начальном этапе общественного движения мусульманских народов, раскрепостив все группы национальных элит. Впервые, не опасаясь за последствия, проводились собрания и дискуссии; составлялись тексты петиций о своих нуждах, которые, по указанию правительства (!), следовало

подавать в Комитет министров. Через русскую периодическую печать национальные элиты знакомились с основными требованиями поляков, финнов, литовцев и других народов России.

В адрес председателя Комитета министров поступило более 500 прошений от представителей тюркских народов. Поэтому тема петиционной кампании заслуживает несомненного внимания для понимания сути общественно-политического движения мусульманских народов России в 1905–1907 гг.

Дисперсно расселенные мусульмане округа Оренбургского магометанского духовного собрания (Центральная Россия, Волго-Уральский регион и Западная Сибирь) подавали ходатайства, как правило, от имени городских и сельских общин; различных сословно-социальных групп (крестьяне, духовенство, казаки, башкиры и т.д.). В итоге петиции мусульман региона запечатлели самый широкий диапазон общественных настроений и одновременно чаяния различных сословных и этносословных групп населения.

На российских окраинах проявилась другая модель петиционной кампании, а именно – консолидированная подача ходатайства от имени мусульман всего края, губернии. Важно отметить, что она стала формой консолидации по этноконфессиональному признаку, если учесть, что мусульмане на окраинах проживали компактно и русская колонизация региона не привела к трансформации этнической топографии, как это произошло в Волго-Уральском регионе. Происходила, прежде всего, консолидация торгово-промышленных кругов, дворян и национальной интеллигенции, которые были озабочены судьбой своих единоверцев. В плане составления текстов петиций на этапе обсуждения многие нюансы, различные мнения участни-

ков подвергались нивелировке, коллективное прошение являлось итогом компромисса, достигнутого путем голосования.

Второй важный момент – позволяя такие собрания, власти, сами того не ведая, разрешили публичные мероприятия и создали легальные условия для обсуждения национальных проблем региональными лидерами и уполномоченными. Они закрутили маховик нескончаемых обсуждений – высказанные на этих собраниях идеи находили отклик среди населения, приводили к качественно новым помыслам; обсуждение национальных и социальных проблем продолжалось на различных площадках.

В-третьих, эти собрания представителей региональных элит выявляли у участников различное понимание нужд и первостепенных проблем единомыслителей, разные подходы к их решению, более того, эти собрания стали площадкой для полемики, позволили самоутвердиться действующим общественным лидерам и заявить о себе молодежи, тем самым дав новый импульс общественному движению в регионах.

В-четвертых, выехавшие из регионов в столицу депутаты возвращались на родину, окрыленные радужными обещаниями премьер-министра С.Ю.Витте и других высокопоставленных чиновников, любезно принявших и выслушавших их нужды, личная передача ходатайства из рук в руки воспринималась депутатами и как некий гарант неременного исполнения их просьб. Такое внимание и учтивость представителей правительственной власти вызывало чувство национального достоинства и уверенность в завтрашнем дне.

В-пятых, царившая в столице атмосфера пробуждения и демократии, общение с представителями разных этноконфессиональных групп, разго-

воры о предстоящем политическом переустройстве России способствовали политизации взглядов их членов, порой приводили к составлению новых петиций, используя право доверенных лиц.

В-шестых, обсуждая в столице по инициативе татар г. Казани совместные действия по консолидации мусульман России, представители элит пришли к общему решению о проведении всероссийского съезда мусульман во время Нижегородской ярмарки сезона 1905 г. В этом смысле петиционная кампания и поездка депутатов в Санкт-Петербург явились важнейшим этапом в общественно-политической консолидации мусульманских народов. Именно в этом ключе следует рассматривать участие крымских татар в петиционной кампании мусульман 1905 г.

Эта тема привлекла внимание крымских ученых. В 1996 г. В.Ю. Ганкевич, известный исследователь жизни и деятельности просветителя и общественного деятеля И. Гаспринского и системы образования крымских татар, на основании материалов газеты «Тарджеман» (Переводчик) написал статью о поездке крымско-татарской делегации в Санкт-Петербург в мае 1905 г.⁴

Более подробно о подготовке текста петиции и поездке крымско-татарской делегации изложено в разделе «Начало либерально-политического движения крымских татар» совместной монографии В.Ю. Ганкевича и С.П. Шендриковой, изданной в 2008 г.⁵ Анализ текста петиции посвящена совместная статья И.А. Богдановича и С.П. Шендриковой «Общественно-политическое движение мусульман Российской империи. Газета «Тарджиман» как источник по истории возникновения общественно-политического движения мусульман Российской империи»⁶.

Изучение этого важного общественно-политического явления в истории крымско-татарского народа через призму всероссийской петиционной кампании мусульман и процесса консолидации региональных лидеров тюркских народов в 1905 г., апогеем которой стал 1-й Всероссийский съезд мусульман в Нижнем Новгороде, а также введение в научный оборот новых источников, прежде всего, текста петиции, поданной премьер-министру С.Ю.Витте, позволили нам сделать ряд замечаний новаторского характера, проанализировать причинно-следственные связи просьб мусульман Крымского полуострова, определить динамику развития либерального движения в этом регионе в очень насыщенный событиями исторический отрезок времени.

***«Общая петиция» мусульман
Крымского полуострова
от 7 апреля 1905 г.***

Важную роль в организации петиционной кампании среди тюркских народов сыграла газета «Тарджеман» (Переводчик), издававшаяся в г. Бахчисарае И. Гаспринским. Благодаря публикациям русскоязычных газет, сообщений корреспондентов и личной переписке с региональными лидерами Исмаил Гаспринский был в курсе важнейших событий, происходивших в мусульманском сообществе России. Региональные лидеры – его единомышленники и друзья – присылали ему копии текстов поданных правительству петиций, которые он, публикуя в своей газете, делал достоянием широкой общественности и тем самым способствовал расширению географии петиционной кампании. В частности, в «Тарджемане» были опубликованы: подробный текст «докладной записки» татар г. Казани о даровании мусульманам политических и гражданских свобод (от 28 ян-

варя 1905 г.) (из газеты «Каспий»)⁷, сообщение о принятии 1 марта 1905 г. казанской депутации премьер-министром и другими высокопоставленными имперскими чиновниками (из газеты «Новое время»)⁸, информация о приезде 9 марта в Санкт-Петербург представителей мусульман г. Москвы для вручения докладной записки о духовно-религиозных и гражданских нуждах премьер-министру С.Ю.Витте, министру внутренних дел А.Г.Булыгину, председателю комиссии по делам печати Д.Ф.Кобеко⁹ с публикацией ее сокращенного текста, информация о проведенном 15 марта в Баку в квартире промышленника и мецената Тагиева совещания о подаче петиции о нуждах мусульман и о составе избранной депутации бакинских мусульман¹⁰, текст петиции оренбургского муфтия М.Султанова, переданной в Комитет министров (из газеты «Русь») и т.д.¹¹. Более того, И.Гаспринский первым проанализировал поступившие ему 10 петиций от мусульман различных регионов¹².

С целью пропаганды всеобщего характера петиционной кампании в поликонфессиональной России в газете также публиковались сообщения о подаче еврейскими общинами многих городов ходатайств и телеграмм с жалобами на «стесненность до невозможности» своего правового положения и с просьбой об уравнении их прав с остальными народностями страны¹³, о получении Комиссией министра внутренних дел А.Г.Булыгина более 300 прошений о намерении российских подданных принять участие в работе совещания по исполнению предписаний, обозначенных в высочайшем рескрипте от 18 февраля 1905 г.¹⁴ и т.д. В «Тарджемане» было опубликовано краткое содержание Положения Комитета министров от 22 февраля и 1 марта 1905 г.¹⁵, согласно которому детальная разработка

справедливых законопроектов поручалась Особому совещанию и т.д.

Публикации редакции газеты «Тарджеман» о петиционном движении имели еще один скрытый смысл, а именно – моральную и психологическую подготовку различных слоев крымско-татарского населения, прежде всего элиту в лице мурз и духовенства, к вовлечению в мусульманское общественное движение.

Газета «Тарджеман» 18 марта 1905 г. (№ 21) сообщила о решении Бахчисарайских мусульман обратиться с верноподданническим адресом и выразить императору благодарность за все милостивейшее повеление относительно начисления новобранцев в полки, квартирующие в пределах Крыма, а также «войти в Комитет министров с запиской о нуждах в пользу мусульман». Значит, инициатива о подаче петиции исходила от И. Гаспринского.

Особенностью подготовительного этапа составления петиции в Таврической губернии явилось сосредоточение всех организационных вопросов в руках исполняющего обязанности таврического муфтия Адилы мурзы Карашайского. Этому способствовал не только высокий статус А. Карашайского, его связи с представителями элит, но и проведение собраний в губернском административном центре.

Первое собрание уполномоченных общин городов полуострова состоялось 24 марта 1905 года в г. Симферополе под председательством А. Карашайского. На повестке собрания значилось обсуждение текста всеподданнейшего адреса с благодарностью крымских татар за императорский указ от 5 февраля 1905 г., согласно которому разрешалось зачислять местных новобранцев, остающихся сверх пополнения Крымско-татарского дивизиона, в войсковые части,

расположенные в Таврической губернии, а не в других регионах страны. Участники собрания также избрали комиссию для составления петиции о нуждах крымских татар¹⁶.

Как известно, распространение на мусульман Таврической губернии в 1874 г. всеобщей воинской повинности первоначально вызвало миграцию в Османское государство. Для прекращения эмиграции и некоторой адаптации новобранцев полуострова к службе в российской армии Военное министерство, исходя из того, что с тысячи душ мужского пола крымских татар при шестилетней службе будет призываться 330 чел., учредило на полуострове эскадрон (150 всадников) для детей состоятельных крымских мусульман, приходивших служить со своим конем и конским обмундированием.

В эскадроне они содержались до десяти месяцев. В последующие два года собирались для занятий при эскадроне на три летних месяца, затем зачислялись на 12 лет в запас. Остальные безлошадные, главным образом, сыновья бедняков, исполняли воинскую повинность в регулярных частях. По мере естественного роста крымско-татарского населения, все больше новобранцев рекрутировалось на службу в регулярные полки, что вызывало социальное напряжение среди мусульман¹⁷. Поэтому данное решение императора было воспринято мусульманами Крымского полуострова с чувством глубокой благодарности.

7 апреля в г. Симферополе, в квартире А. Карашайского под его председательством состоялось собрание представителей крымско-татарских обществ городов и уездов полуострова¹⁸. «Следуя августейшему указанию и примеру других верноподданных народностей и общин, и руководствуясь своими религиозными и бытовыми нуждами, собрание решило предо-

ставить на благоусмотрение Комитета министров и других подлежащих учреждений» сведения о своих пожеланиях и нуждах¹⁹.

По мнению И.А.Богдановича и С.П.Шендриковой, принятое на этом мероприятии «Постановление собрания мусульман Крымского полуострова» являлось отражением национально-либеральной идеологии, присущей общественной элите крымско-татарского народа. Оно состояло из 17 пунктов и касалось вопросов религиозного, нравственного, ритуального, просветительского характера. Наиболее радикальные требования не выходили за рамки, обозначенные в существовавших законах²⁰.

Сразу нужно отметить, что текст петиции был составлен с намерением наиболее полно отразить нужды мусульман Таврической губернии, поэтому «общемусульманские проблемы» не стали объектом специального рассмотрения. Тем не менее, ее первые два пункта касаются общегражданских прав мусульман. Второй пункт носит декларативный характер и сводится к просьбе распространить на мусульман одинаковые права с русскими (п. 2). В первом пункте обращается внимание на необходимость предоставления мусульманам возможности реализовать недавно дарованное императором право свободного выбора представителей и свободу печати.

Некоторые из поднятых крымскими татарами вопросы также можно идентифицировать как «общемусульманские». В эту группу относится просьба о предоставлении мусульманам права усыновлять подкинутых в своих селениях младенцев (читай: отменить исключительное преимущество православных на усыновление подкидышей-младенцев, независимо от того, где они обнаружены. – И.З.) (п. 8). Собрание также постанови-

ло просить о введении правила приглашать в военные и гражданские учебные заведения вероучителя мусульманского закона, в случае обучения в них 8–10 учащихся мусульман (п. 9), и в случае перехода мусульманина в христианство исключать его из семейного списка, по которому определяется льгота по семейному положению (п.10).

Оба пункта постановления по «военной тематике» непосредственно касаются крымских татар, однако аналогичные проблемы имелись и у мусульман Волго-Уральского региона, исполнявших всеобщую воинскую повинность. После эйфории, связанной с предоставленной возможностью для их сыновей служить у себя на Крымском полуострове, с учетом закрытого характера и строгого внутреннего распорядка в войсковых частях, родители были озабочены соблюдением религиозных прав сыновей и просили об обеспечении новобранцев-мусульман отдельным котлом, ввиду известных религиозных ограничений (п. 15). Собрание также высказалось за освобождение от воинской повинности мусульманского духовенства и предоставление учащимся высших медресе льготы (на три года) от призыва в армию, т.е. уравнивание их прав с учащимися русских учебных заведений, которые получали отсрочку на период обучения (п. 7). Основанием для получения льготы указывалась успешная сдача экзамена в Духовном правлении.

Остальные пункты постановления собрания носят региональный, «местный» характер и посвящены нуждам мусульман полуострова²¹.

На наш взгляд, радикальной является инициатива упразднения существующей с 1885 г. «Особой комиссии о вакуфах» и учреждения вместо нее при ТМДП «вакуфного отделения» в составе двух членов, избираемых на

пять лет всем мусульманским населением полуострова. Для ревизии и контроля за деятельностью «вакуфного отделения» и для фактического контроля по уездам рекомендовалось избрать 12 членов сроком на пять лет.

Остановимся на этой проблеме подробнее.

Во второй половине XIX в. вакуфный вопрос на полуострове актуализировался после новой волны массовой эмиграции местного населения в Османское государство в 1860 г. Земли уехавших крымских татар и упраздненных мечетей самовольно захватывались местными жителями и новыми переселенцами. В результате правительство стало делить духовные вакуфы на две категории: вакуфы упраздненных мечетей и вакуфы действующих мусульманских учреждений. «Частные вакуфы в результате крымско-татарского переселения в массовом порядке стали продаваться в частную собственность, что также было неправомерно, как с точки зрения российских законов, так и мусульманской традиции»²². Правительство вновь обратило внимание на этот вопрос в 1874 г., с началом новой волны миграционного движения. Князь С.М. Воронцов, командированный императором в 1874 г. на Крымский полуостров для изучения данной проблемы, заявил, что вакуфный вопрос является одним из ключевых в решении проблемы крымско-татарской эмиграции: для крымских татар вакуфы были не просто частью имущества, а продолжали оставаться своеобразным религиозным символом, индикатором соблюдения их прав и традиций со стороны имперской власти²³.

Духовное правление по разным причинам не могло установить контроль за вакуфами. К тому же, сдача земель в аренду происходила беспорядочно и за мизерную цену. За вакуф-

ными именьями накопились большие недоимки, происходило их хищение. Муфтий и члены ТМДП, обвиненные правительством в злоупотреблениях своим положением в этой сфере, были привлечены к уголовной ответственности. В результате контроль над частными вакуфами в 1874 г. был передан местной Палате государственных имуществ, обязанной действовать в их отношении на основании закона о выморочных именьях. Частные вакуфы потеряли всякую связь с началами мусульманского права: исчезло право духовных или благотворительных учреждений на часть доходов, на отчуждаемость частных вакуфов. Институт частных вакуфов превратился в аналогичное заповедным именьям фамильное имущество. В начале 1880-х гг. обнаружилось новое нарушение со стороны религиозного органа. Ответной мерой правительства стало учреждение в 1885 г. «Особой комиссии о вакуфах». В ее составе были представители Министерства внутренних дел, местных губернского и духовного правлений. В действительности решения Комиссии не доводились до муфтия, вследствие чего ТМДП оставалось в затруднительном положении при разбирательстве жалоб духовных лиц²⁴.

Деятельность «Особой комиссии о вакуфах» активизировалась после отставки ее первого председателя – генерал-майора Султана Хаджи Губайдуллы Джангир-оглы Чингиз-хана. Сменивший его князь Ф.С. Голицын в 1889–1893 гг. в основном смог справиться с поставленными задачами²⁵.

Таким образом, в целях решения социально-экономических проблем, проведения земельной ревизии, желая добиться прозрачности в использовании вакуфных средств, государство, осознав неэффективность действий ТМДП в сфере вакуфного имущества, подчинило правительственным

учреждениям сначала частные, затем и духовные вакуфы, распространяя на систему их управления и аренды законодательные акты о казенных угодьях. Вакуфы упраздненных мечетей предназначались исключительно для удовлетворения религиозных потребностей крымских татар на территории Таврической губернии²⁶.

Самым радикальным предложением исследователи считают предложение наделить безземельное население Крыма землей, привлечь Крестьянский банк для выдачи безземельным татарам кредитов, а в горной части Крыма разрешить в пользу коренного населения вопрос о «приписных» лесных дачах, дабы оно не было лишено права пользования своими лесами в пределах лесоохранительного закона (п. 16).

Во всеподданнейшем отчете за 1893 г. таврический губернатор в качестве причины начавшейся в этом году эмиграции крымско-татарского населения Бахчисарая и других уездов, лиц состоятельных, имеющих недвижимость и свое «дело», указывал следующие слухи: при поступлении на военную службу будут принуждать принимать крещение и употреблять в пищу свинину, будет запрещено совершение паломничества, планируется переселить всех крымских татар в Сибирь для строительства Сибирской железной дороги²⁷.

Комитет министров тогда оперативно решил одну из главных проблем, вызывавших опасение крымско-татарского населения: высочайшим повелением от 21 декабря 1893 г. было заявлено о сохранении на будущее время Крымского дивизиона, о распределении новобранцев из крымских татар в полки 14 и 31 пехотных дивизий, расположенных в Новороссийском крае, что в определенной степени сняло напряжение среди местного населения. Другой важной причиной дискомфорта

ного существования крымских татар на исторической родине являлась острота земельного вопроса, искусственно созданного властями благодаря целенаправленной русской колонизации, необеспеченность 23 тыс. крымско-татарских хлебопашцев земельными наделами. Часть из них правительство переселило на вакуфные земли, другая часть, так называемые десятичники, были вынуждены арендовать участки у частных землевладельцев, которые сгоняли их с обжитых земель и лишали возможности оседлого существования, а часть татар, не имеющая земли, была превращена в «бродящее население». В этой связи Комитет министров вынужден был принять высочайше утвержденные 5 февраля 1891 г. «Временные правила» сроком на три года, до издания закона об управлении вакуфными землями: запрещалось принудительное выселение крымских татар с обжитых вакуфных земель, а также облегчалась сдача в аренду упраздненных участков, вследствие переселений прихожан, земель мечетей²⁸.

Во всеподданнейшем отчете таврического губернатора о состоянии губернии за 1897 г. констатировалось, что для обеспечения безземельных крымских татар начиная с 1896 г., в виде опыта, было отдано более 5000 дес. вакуфной земли в аренду на 3 года, с правом продления на 12 лет. Арендная плата составляла от 1,5 до 3 руб. за десятину, что являлось очень выгодным условием. Согласно сведениям Д.В.Конкина, данный процесс продолжался вплоть до падения самодержавия в 1917 г.²⁹

Как видно, теперь собрание мусульман ставило перед председателем Комитета министров вопрос о расселении безземельных крымских татар на поступивших в казну по выморочному праву «землях татар», а не распродавать их русским и дру-

гим переселенцам, а также о передаче приписных лесных дач в горной части Крыма в пользование их собственникам по «лесоохранительному закону».

Одним из аспектов притеснения своих религиозных прав, как и их единоверцы Волго-Уральского региона, крымско-татарские общественные деятели считали отсутствие реформы системы управления духовными делами единоверцев. Собрание крымских татар выдвинуло целую программу по расширению компетенции ТМДП. Рассмотрим ее более подробно.

Речь шла о сосредоточении исключительно в руках ТМДП всех вопросов, связанных с постройкой, ремонтом и реконструкцией зданий мечетей, текий и учебных заведений, оно должна было «также руководить и наблюдать за жизнью и деятельностью этих учреждений» (п. 3). Такая общая формулировка означала отстранение губернского правления от решения вопросов мечетестроительства и укрепление религиозно-культурной автономии крымских татар.

В Таврической губернии (Одесский учебный округ) мектебе и медресе не были подчинены ведению Министерства народного просвещения, как это случилось в 1874 г. в Оренбургском и Казанском учебных округах. По действующему законодательству ТМДП должно было, наряду с мечетями, духовенством, курировать и мусульманские учебные заведения при мечетях³⁰. Тем не менее, собрание посчитало необходимым еще раз закрепить это положение, стремясь не оставить место различным разговорам и инициативам губернских чиновников по установлению правительственного контроля над учебными заведениями мусульман полуострова. Было заявлено, «чтобы всякого рода элементарные школы и мектебе или общего или профессионального характера могли быть открываемы общинами и

частными лицами явочным порядком, с правом преподавания начальных знаний на родном языке учащихся» (п. 4).

Уполномоченные крымско-татарских обществ также стремились изменить статью 1346 устава «Об управлении духовных дел магометан», согласно которой мусульмане, недовольные решением по шариату дел по завещаниям или при разделах имущества, могли обращаться в имперские суды³¹. Поэтому просили, «чтобы брачные, семейные и наследственные дела и споры мусульман, решаемые духовным правлением, приводились им в исполнение в правах судебного учреждения» (п.5).

Из-за наследственного принципа определения на мусульманские духовные должности в Таврической губернии, в нем принимало участие два института: прихожане, которые выбирали и выдвигали свою кандидатуру, и губернное правление, которое утверждало кандидата в должности. По закону при определении на звания хатиба, имама, муллы и мударриса требовалось согласие ТМДП, в действительности его участие в данной процедуре ограничивалось наблюдением за «действительной надобностью» для прихода духовного лица, за соблюдением возрастного ценза для кандидатов на духовные звания, установленного российским законодательством, и гарантией благонадежности кандидата³².

Сохранив прежний порядок избрания приходского духовенства (имамов, хатибов, муадзинов) и учителей начальных мектебе (годжей) за местным приходским обществом, собрание крымских татар настаивало на том, чтобы вопросы назначения, временного устранения и увольнения духовных лиц полностью сосредоточились в компетенции ТМДП и были изъяты из ведения губернского

правления. Речь шла о проведении экзаменов для кандидатов на духовные должности и затем их утверждения, в случае, если нет препятствий общегражданского характера (п. 6). Предлагалось также выборы кандидата на духовную должность мударриса (преподавателя высшей школы) в городах проводить всеми приходами, а в сельской местности мусульманами волости, в которой находится медресе (п. 12).

Существенным новшеством в общественной жизни крымско-татарского сообщества является рекомендация собрания ввести правило, согласно которому все приходские должности, а также должности кадия, мударриса и муфтия через соответствующие выборы будут иметь право занимать «все достойные и ученые люди без различия сословий и без ограничения в пользовании доходами с вакуфных имуществ по принадлежности с правами приходского духовного лица» (п. 13).

Следует отметить, что таврический губернатор В.Ф.Трепов 3 декабря 1903 г. обращался к директору Департамента духовных дел иностранных исповеданий об изменении закона и разрешении допуска на духовные должности лиц также и не из семей духовенства. Губернатор стремился подвести под правовую основу практику определения местным губернским правлением на духовные должности крымских татар, не являвшихся по происхождению детьми лиц духовного звания. Таковых в 1904 г среди духовенства насчитывалось 11% (96 из 863 духовных лиц)³³.

Радикальным новшеством представляется ограничение пунктом 11 постановления собрания срока службы членов ТМДП пятью годами (при этом не оговаривалось, что они при желании могут быть повторно избран-

ными). Предполагалось также кардинально обновить систему их выборов, сделав их всеобщими.

В Крыму должности (и звания), кроме должностей муфтия и кади-эскера, согласно сложившейся традиции, передавались по наследству. Собрание постановило предоставить всем мусульманам право занимать духовные должности.

В Крыму существовала довольно сложная система выборов муфтия, в которых имели право участвовать высшее духовенство (кади-эскер и уездные кадии), старшие из приходских чинов (хатибы, имамы и муллы губернского и уездных городов), мурзы, главы волостей или по одному депутату из каждой волости, впервые такие выборы состоялись в 1806 г.³⁴

Порядок выборов уездных кадиев установился в 1831 г., а именно: кандидаты из числа приходского духовенства на эту должность выдвигались муфтием, кади-эскером и служащими в Симферополе кадиями. После согласования списка кандидатов с губернатором последний объявлял о созыве собрания избирателей в уездном городе. В избрании пяти уездных кадиев, заседающих в ТМДП, принимали участие духовные лица, мурзы во главе с уездным предводителем дворянства, а также волостные головы или, вместо них, по одному депутату от поселян каждой «магометанской волости» данного уезда³⁵. Тайное голосование считалось состоявшимся независимо от количества принимавших участие в выборах избирателей. По итогам выборов губернатор представлял в ДДДИИ список кандидатов с характеристикой каждого из них, затем Министерство внутренних дел (МВД) представляло одного из них на утверждение Сенату. С 1904 г. уездных кадиев стал утверждать лично таврический губернатор³⁶.

Как известно, по закону от 9 января 1890 г. все три заседателя Оренбургского магометанского духовного собрания, ранее избравшиеся муллами Казанской губернии из своей среды, стали по очереди утверждаться по рекомендации оренбургского муфтия министром внутренних дел, а оренбургский муфтий назначаться по представлению министра внутренних дел императором, хотя до этого времени в законах декларировалось положение о выборе муфтия мусульманским обществом³⁷.

Вскоре произошли изменения и в порядке выборов таврического муфтия и кади-эскера, точнее, их не стало высочайше утвержденным мнением Государственного совета «О порядке замещения таврических муфтия и кади-эскера» от 27 мая 1891 г.³⁸ Отныне таврический муфтий и кади-эскер избирались министром внутренних дел из числа мусульман духовного звания или дворян, не имеющих духовного звания, и утверждались императором. В результате на должность муфтия и кади-эскера стали назначаться представители родовитого крымско-татарского дворянства, имеющие светское образование, а отнюдь не религиозное, в результате таврические муфтии превратились в хороших администраторов³⁹.

В п. 11 постановления собрания, по сути, речь шла об отмене закона от 27 мая 1891 г. и введении выборов таврического муфтия, кади-эскера и уездных кадиев всем мусульманским сообществом полуострова – с участием представителей всех сословий.

Таким образом, принятая 7 апреля на собрании уполномоченных крымско-татарских общин петиция представляла собой итоговый документ обсуждения разработанной комиссией проекта ходатайства и затрагивала многие стороны жизни мусульман полуострова.

Крымско-татарская депутация в Санкт-Петербурге

Для передачи ходатайства в Петербург «и для дачи, где понадобятся дополнительные сведения» собрание крымских татар 7 апреля избрало депутацию в составе 9 человек: статского советника и.д. Таврического муфтия Адила мурзы Карашайского, Симферопольского уездного кадия Умара эфендия, бахчисарайского имама Аджи Эмира эфендия, председателя Симферопольской земской управы, представителя древнего крымско-татарского мурзинского рода Мустафы мурзы Кипчакского⁴⁰, Бахчисайского городского головы Мустафы мурзы Давидовича⁴¹, полковника гвардии и мецената Исмаила мурзы Муфтий-Заде⁴², редактора газеты «Тарджеман» Исмаила мурзы Гаспринского⁴³, кандидата права Мемета Аги Бекирова и Сулеймана аджи⁴⁴.

Выезд крымско-татарской депутации в столицу только спустя месяцы склонны объяснять, прежде всего, существенным обновлением ее состава. В столицу выехала депутация из 10 человек (полковник Муфтий-Заде, И.Гаспринский, М.Давидович, М.Кипчакский, Булгаков, Бекиров, аджи Эмир эфендий, Асан эфендий, аджи Эннан, Асан Головы и Сулейман аджи)⁴⁵. Как видно, из списка выпал муфтий А.Карашайский, который, сославшись на болезнь, воздержался от поездки. Не поехало и «третье лицо» после кади-эскера в ТМДП – Симферопольский уездный кадий Умар эфендий. Таким образом, одним из важных итогов петиционной кампании на полуострове явилась смена руководителя крымско-татарской депутации – ее возглавил И.Гаспринский. Перед отъездом депутация была принята таврическим губернатором В.Ф.Греповым⁴⁶.

Крымских татар на Курском вокзале встретил имам г. Харькова Тугеев.

В Москве теплый прием прибывшим единоверцам оказал Мухаммадзагид Шамиль, который являлся членом депутации татар г. Москвы и в ее составе был на аудиенции у С.Ю.Витте⁴⁷. До конца марта 1905 г. Мухаммадзагид Шамиль находился в столице, встречался со многими региональными общественными деятелями, играл роль своеобразного посредника, устраивая знакомства и встречи прибывшим в Санкт-Петербург членам депутатий различных регионов⁴⁸. От него крымцы узнали последние новости о происходивших в столице делах, о настроении и миссиях депутатий мусульман России⁴⁹.

Нужно сказать, что в марте, апреле и мае высокопоставленные чиновники, руководители ведомств были вынуждены, отрываясь от своих прямых обязанностей, любезно принимать делегации различных народов и регионов страны. Сановники встречали их радужно и давали всем депутатиям примерно одинаковые обещания о непременно рассмотрении и решении (!) поднятых ими проблем. В условиях разгорающейся революции такой диалог нужен был для того, чтобы отвлечь нерусские народы от революционных действий. Если шире смотреть на проблему, сановники, встречаясь с депутатиями и давая им обильные обещания, решали важную государственную задачу – успокоить мусульман, дав им надежду на завтрашнее счастливое будущее.

Крымско-татарская депутация 12 мая подала прошение председателю Комитета министров о разрешении представиться для передачи полученного от «народного собрания» ходатайства⁵⁰, и 16 мая была принята самим С.Ю.Витте. Во время встречи бахчисарайский имам Эмир эфендий произнес приветственную речь. В ответ С.Ю.Витте обещал, что в ближайшее время к управлению страной

будут активно привлекаться мусульмане, а учреждаемая особая комиссия выработает правовую основу для решения проблем крымских татар в сфере управления духовными делами мусульман. 18 мая депутация была принята министром народного просвещения В.Г.Глазковым⁵¹, 19 мая – министром внутренних дел А.Г.Булыгиным (участвовали 8 членов депутатии) и военным министром В.В.Сахаровым, а также председателем комиссии по печати Д.Ф.Кобеко, который дал И.Гаспринскому интервью. Каждому из сановников, исходя из его компетенции, депутация подавала петиции, извлеченные из главной петиции, переданной С.Ю.Витте⁵².

По итогам поездки крымско-татарской депутации в столицу И.Гаспринский на страницах газеты «Тарджеман» опубликовал объемную статью⁵³. В частности, он поделился радостью по поводу обещания военного министра удовлетворить их просьбу об организации отдельного котла для приема пищи солдатам-мусульманам и обеспечении их муллой, духовным лицом, в случае если в поселении, где дислоцируется войсковая часть, нет муллы⁵⁴, опубликовал полный текст «Докладной записки» уполномоченных крымских мусульман, министру народного просвещения⁵⁵, интервью с председателем комиссии о печати Д.Ф.Кобеко⁵⁶.

Депутация также посетила Александрово-Невскую лавру, однако митрополита Антония на месте не оказалось, депутаты выразили ему свое уважение в книге посетителей. В день отъезда, узнав о назначении графа А.П.Игнатъева председателем комиссии о веротерпимости, члены депутатии, встретившись с ним, во время полуторачасовой беседы указали ему «главные недостатки» управления духовными делами мусульман и необходимые реформы в этой области. Уве-

ренные в том, что в комиссию будут приглашены «следующие люди из мусульман», просили графа, чтобы они были избраны самим мусульманским населением, с чем А.П.Игнатъев согласился и просил выслать ему записку о духовных нуждах единоверцев⁵⁷.

25 мая крымско-татарская депутация вернулась в Симферополь и Бахчисарай, где их радушно встретили представители крымско-татарской элиты и простые мусульмане⁵⁸.

Приезд в Санкт-Петербург представительной группы крымских татар, потребовавший значительных расходов, был вызван еще одной причиной. В начале марта 1905 г. в Казани Габдерашит Ибрагимов и Юсуф Акчура пришли к мысли о созыве в Санкт-Петербурге съезда мусульманских общественных деятелей Поволжья, Крыма, Кавказа, Туркестана и Казахской степи. Юсуфа Акчура написал редактору газеты «Тарджеман» письмо с приглашением крымско-татарских общественных деятелей в марте в столицу для участия на этом мероприятии. Габдерашит Ибрагимов с аналогичным предложением обратился к Алимардану Топчибашеву⁵⁹.

Однако крымско-татарская депутация сумела выехать в столицу лишь в начале мая, после отъезда представителей мусульман Закавказья (в столице оставался лишь А.Топчибашев). Из-за этого между представителями мусульман Волго-Уральского региона, Крыма и Закавказья была достигнута договоренность о переносе Всероссийского съезда на август 1905 г., когда в Нижнем Новгороде проходила ярмарка⁶⁰. В этом плане приезд депутатов мусульман различных регионов России сыграл важную роль в установлении контактов и обсуждении принципов консолидации тюркских народов империи для достижения общих задач, стоящих перед ними.

На страницах «Тарджемана» вскоре стали появляться заметки о перспективах общественного движения мусульман. В частности, в газете от 21 июня 1905 г. была опубликована заметка «Мусульманское собрание», в которой анонимный автор сообщает, что во время Нижегородской ярмарки состоится собрание мусульман «для обсуждения своих общественных нужд и дел и, быть может, как следствие этого будет подана правительству общая докладная записка в дополнение поданных многочисленных петиций... В силу закона эволюции жизни, среди мусульман уже зародилась «партия прогрессистов», а члены ее, несомненно, чувствуют потребность обменяться мыслями, установить программу деятельности на поприще народной нужды и борьбы с узкими воззрениями и вековым консерватизмом»⁶¹.

В своей заметке анонимный автор сообщает, по сути, результаты договоренности в столице с мусульманскими общественными деятелями Среднего Поволжья. Перечислим их.

1. Составление и подача единой петиции от имени многомиллионного мусульманского населения, которая должна была вобрать в себя ключевые требования и претензии к правительству, тем самым поставив вопрос о предоставлении мусульманам равных с русскими подданными гражданских прав.

2. Важнейшим итогом поездки в столицу для крымско-татарской депутации явилось наступление нового этапа в общественно-политическом движении мусульман России. Представителей этой группы анонимный автор именуется «партией прогрессистов» и четко представляет ключевые части ее программы.

Вторая часть текста заметки позволяет уточнить еще несколько договоренностей, достигнутых в Санкт-

Петербурге с татарами Среднего Поволжья.

3. О проведении выборов – учреждении организационного комитета будущей партии.

4. О расширении сети джадидских школ.

5. О тактике решения поставленных на собрании задач.

Поддерживая саму идею о таком собрании мусульман всей России, анонимный автор перечисляет условия, при соблюдении которых, по его мнению, собрание в Нижнем Новгороде могло бы стать в общественной деятельности мусульман «многозначительным явлением». Это:

– проведение мероприятия легально;

– основательное обсуждение проблем мусульман и выставление перед правительством «разумно обоснованных» просьб⁶². Не вызывает сомнения, что публикация принадлежит руководителю крымско-татарской делегации И. Гаспринскому.

А спустя две недели И. Гаспринский вновь возвращается к теме политической партии мусульман. В своей заметке «Татарская прогрессивная партия» он пишет: «Это новое явление и новые люди, как проект общего подъема и оживления русской жизни, составляет отрадное и интересное явление современной жизни наших мусульман. Ядром этой партии служат интеллигентные мусульмане, посвятившие себя делу просвещения народа, развитая часть духовенства, люди, посвятившие себя литературе и писательству, часть учителей и мугалимов новометодных мектебов, более или менее развитая часть купечества и других элементов, осознающих и видящих недостатки национального быта и жизни».

Далее автор сообщает еще некоторые интересные детали обсужденных в столице с представителями регио-

нальных лидеров вопросов: во главу угла будут положены «распространение среди мусульман современного просвещения, реформа национальных училищ (мектебов и медресе) на почве сближения их с современными учебными учреждениями, изыскание помощи и стипендий для учащихся в средних и высших учебных заведениях в России мусульман; выяснение посредством печати нужд и потребностей мусульман, защита их прав и интересов перед лицом различных учреждений общественных и правительственных. Распространение полезных технических и земледельческих знаний, и развитие грамотности и развитие познаний среди женщин. В делах более общего и широкого характера, в делах общегосударственной жизни. К осени партия, вероятно, будет более или менее организована»⁶³.

Петиция крымско-татарской делегации от 16 мая 1905 г.

В Санкт-Петербурге крымско-татарская делегация воздержалась от подачи постановления симферопольского собрания от 7 апреля и составила новый текст петиции. По сравнению с «Постановлением собрания мусульман Крымского полуострова» от 7 апреля 1905 г. петиция крымско-татарской делегации от 16 мая 1906 г.⁶⁴ выделяется, прежде всего, своей политизированностью и акцентом на общемусульманские нужды. Кажется, это момент стал одним из выводов, сделанных ими в ходе консультаций с общественными деятелями других регионов. В петиции четко выделяются две сюжетные линии. С одной стороны, члены делегации пишут о своих региональных и этноконфессиональных крымско-татарских проблемах, с другой стороны – обращают внимание правительства на нужды и чаяния соседних мусульманских народов, видя в этих притесне-

ниях системный подход внутриполитического курса самодержавия.

Такая «раздвоенность» петиции привлекает внимание с первого абзаца. Ущемленное положение крымских татар депутация объясняет отходом имперской власти от основополагающих начал внутренней политики самодержавия, закрепленных указами Екатерины II после аннексии в 1783 г. Крымского ханства. Констатируя отсутствие политической подоплеку в своих помыслах и действиях и воспринимая введенные в послеекатерининское время ограничительные законы и инструкции в отношении крымских татар лишь на основании этноконфессионального признака (по сути, разделяя население империи на «своих» – русских, православных, и «чужих» – нерусских и неправославных), петиция считает такой поход не способствующим политическому единению российских поданных.

Затем авторы петиции сообщают о существовании такого же официального взгляда на все мусульманское население империи. Подчеркивая отсутствие между татарами и русскими (и другими народами) враждебных отношений, они объясняют замкнутость татар Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Нижегородской и других соседних губерний не отчужденностью, а результатом активной деятельности миссионеров наподобие Н.И. Ильминского, способствовавших формированию у власти в целом однобокого, предвзятого отношения к мусульманам.

Кроме того, развивая мысль о предоставлении единоверцам «полных гражданских и политических прав», они одновременно перечисляют ряд притеснений мусульман, закрепленных в действующем законодательстве, некоторые из которых непосредственно на них не распространялись. В частности, миграционные потоки

крымских татар в XIX – начале XX вв. были направлены отнюдь не в Туркестан или центральную Россию, а в Османское государство, на них также не распространялся ценз для гласных нехристиан в составе городской думы в количестве 25 %, указанный в «Городовом положении» 1890 г. и т.д.⁶⁵

Подразумеваемая общеимперское правовое пространство, депутаты указывают на притеснение избирательных прав городских мусульман при выборах в Городскую думу; на запрет мусульманам покупать недвижимость в Туркестанском генерал-губернаторстве, согласно «Положению о Туркестанском крае» 1886 г.⁶⁶, напоминают о случаях исправления текста Корана российским цензором, запрете на публикацию произведений классиков русской литературы, что наблюдалось в Волго-Уральском регионе, на запрет пристраивать минареты к городским мечетям в Закаспийской области, на ограничение в создании мелкотогровых и промышленных товариществ по этноконфессиональному признаку (в Волго-Уральском регионе. – *И.З.*). Также сообщают о «неофициальном ограничении мусульман в содействии Крестьянского банка», об ограничении мусульман Волго-Уральского региона и Западной Сибири в правах издавать газеты и журналы на родном языке (называют это ограничение одной из причин, способствовавших отсталости единоверцев) и просят об уравнивании их прав с другими российскими подданными, которым разрешено печатать и читать свою национальную периодику.

Петиция содержит 19 пунктов и их нумерация не совпадает с пунктами постановления собрания мусульман Крыма от 7 апреля; текст заново структурирован, изменения произошли также вследствие размещения отдельных просьб, ранее изложенных в одном пункте (п. 11⁶⁷ и п. 16⁶⁸), разделив на два пункта, введения совер-

шенно новых пунктов, исключения п. 4 («чтобы всякого рода элементарные школы и мектебе или общего или профессионального характера могли быть открываемы общинами и частными лицами явочным порядком, с правом преподавания начальных знаний на родном языке учащихся») и т.д.

Под воздействием именного высочайшего указа «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 февраля 1905 г. и публикаций столичных газет о предстоящих политических реформах в империи крымско-татарская депутация первым делом заявляет о предоставлении мусульманам свободного выбора достойных представителей в представительное учреждение (п. 1), и о допущении татар к обсуждению законодательных предложений, надеясь на равноправный диалог с властью с прицелом на разработку справедливых законов, характерных для гражданского общества (п. 2). Эти два пункта в определенной степени перекликаются, однако не повторяют первые два пункта постановления собрания крымских татар от 7 апреля.

Новизна документа определяется, прежде всего, введением новых просьб. Депутация ходатайствует о разрешении открывать самим мусульманам частные учебные заведения с преподаванием на родном языке и с содержанием учителя русского языка за счет государства (п. 3). Эта просьба присутствовала в петициях многих народов (в том числе в «докладной записке» казанской депутации от 28 января 1905 г.)⁶⁹. Речь шла, по сути,

о создании таким путем системы национального светского образования. Как «региональную» можно квалифицировать новую просьбу об отмене предписания Николая I, запрещающего эмигрировавшим в Османское государство крымцам возвращаться на историческую родину, и разрешении вернуться при условии принятия российского подданства (п. 17).

Следующей приметой документа является дополнение его новыми пунктами или упразднение некоторых пунктов постановления собрания крымских татар от 7 апреля. Скажем, при определении срока службы членов ТМДП пятью годами специально оговаривается, что при желании они могут повторно избираться. К этой группе следует отнести и пункт по «военной тематике». Предыдущая формулировка об отдельном котле для военнослужащих-мусульман была существенно расширена: теперь в петиции речь идет и об обеспечении новобранцев муллой за счет перегруппировки их в частях (п. 18). Претерпел изменение и пункт о льготе от воинской повинности: посчитав нереальным получение льготы для учащихся конфессиональных школ, было решено просить о распространении льготы, помимо приходского духовенства, на учителей мектебов и медресе, т.е. уравнивать их права с учителями русских начальных школ и православного приходского духовенства (п. 4). Вследствие того, что в военных учебных заведениях в целом обеспечивались права воспитанников мусульман по обучению основам ислама, в петиции этот вопрос был ограничен лишь учащимися гражданских учебных заведений (п. 5).

В петиции проведено тщательное редактирование имеющихся пунктов, позволившее более аргументированно и четко выразить суть излагаемого вопроса. Например, ограничение

срока службы членов ТМДП пятью годами, с тем, чтобы при желании они могли быть повторно избранными, было изложено более обоснованно. Такое ограничение срока службы воспринималось депутатами серьезным рычагом воздействия на духовных администраторов, ранее избравшихся пожизненно и поэтому не всегда должным образом считавшихся с мнением паствы⁷⁰.

В пункте о выборах членов ТМДП (муфтий, кади-эскер и уездные кадии) был добавлено уточнение о введении норматива выбора уполномоченных из расчета 1 представитель от 100 совершеннолетних прихожан.

В 14-м пункте петиции о расширении компетенции Духовного правления (вопросы постройки мечетей по утвержденным планам, открытие мектебов и медресе) сообщалось как о вопиющей несправедливости о статье «Устава строительного», согласно которой разрешение на постройку мечетей в поликонфессиональных поселениях Таврической губернии зависело от епархиального архиерея («Таврическое губернское правление при строительстве мечетей близ христианских церквей должно было предварительно получить согласие у епархиального архиерея». – *И.3.*)⁷¹.

В другом случае депутаты попытались сделать ссылку на закон, просили «Об упразднении сословных привилегий духовного звания, указанных в статьях 1352, 1356; 1358, 1359 и 1360 т. XI ч.1 и о предоставлении права занимать духовные должности лицам всех сословий»⁷².

В просьбе об упразднении «Особой комиссии о вакуфах» в Крыму и передаче ее функции «в особо учрежденное для этой цели отделение ТМДП уточнялось, что отделением должны заведовать два платных выборных члена» под председательством муфтия (прежний вариант: «избираемых

на пять лет всем мусульманским населением Крыма»); также уточнялось, что все 12 членов выборной комиссии, призванной контролировать его деятельность, должны трудиться на общественных началах (п. 15). Дополнительно указывалось, что такого же мнения придерживались таврический губернатор В.Ф.Трепов и Таврическое губернское земское собрание, однако ходатайство земства было проигнорировано Департаментом духовных дел иностранных исповеданий.

Остальные пункты постановления собрания крымских татар от 7 апреля были включены в петицию⁷³.

«Контрпетиция» муфтия А. Карашайского

Практически повсеместно обсуждение, составление текста петиции в населенных пунктах приводило к дискуссиям и способствовало поляризации точек зрения среди участников. Участники собрания, имеющие другую точку зрения и оставшиеся в меньшинстве, имели право на составление новой, своей петиции, однако, как правило, воздерживались от этого шага, подчиняясь мнению большинства собрания. Например, во время обсуждения текста аналогичной петиции в конце февраля 1905 г. в Казани проходили бурные дискуссии между участниками, которые, исходя из своих общественно-политических взглядов и гражданской позиции, высказывались за радикализацию отдельных пунктов ходатайства или, наоборот, за придание документу традиционного «верноподданнического» духа. В результате текст петиции неоднократно уточнялся⁷⁴. Не случайно весной 1905 г. в Казанской губернии в ходе петиционной кампании стали приобретать четкие очертания основные политические движения мусульман региона: социал-революционеры и либералы⁷⁵.

Особенностью петиционной кампании в Крыму явилось единогласное утверждение текста ходатайства участниками собрания 7 апреля. Как было рассмотрено, на первом собрании была избрана комиссия для составления проекта петиции. Видимо, большинство участников, несогласных с отдельными пунктами петиции, не выступало открыто. Единственный вопрос, который задавали некоторые уполномоченные перед голосованием по отдельным пунктам, заключался в том, насколько это соответствует шариату. Не вызывает сомнения, что такой вопрос исходил от духовных лиц.

Частое повторение одного и того же вопроса вызвало раздражение у председателя собрания – исполняющего обязанности муфтия А.Карашайского, который заявил: «Что вы, господа, все шариат да шариат. Кто его теперь поддерживает»⁷⁶. Такое категоричское высказывание главы мусульман Крымского полуострова, очевидно, способствовало единогласному голосованию. Между тем, единение во время голосования, которое, видимо, было открытым, настораживает, потому что среди 200 участников собрания были люди различных профессий, возрастов, представители различных сословно-социальных групп, имеющих неодинаковые взгляды. Нужно сказать, что в петиции имелся пункт, явно направленный против нынешнего состава Духовного правления. Как было рассмотрено, 11-й пункт петиции гласил, что состав ТПДП был выборным, сроком на пять лет. Избрание муфтия и его помощника кади-эскера должно происходить всем мусульманским населением полуострова, а уездных кадиев – мусульманами всего уезда. При этом не оговаривалась возможность повторного избрания членов Духовного правления. Это – во-первых. Во-вторых, вовлечение в выборы муфтия и кади-эскера всех

мусульман губернии делало выборы непредсказуемыми и противоречило недавно принятому закону от 27 мая 1890 г.

На Крымском полуострове «альтернативное мнение» появилось после отъезда депутации в столицу. Оказалось, что группа духовных лиц во главе с А.Карашайским, «обнаружив» в петиции некоторые пункты, не соответствующие шариату, решили подать в Комитет министров новое ходатайство.

Почему так случилось? А. Карашайский – представитель мурзинского рода, светский образованный дворянин, бывший предводитель дворянства одного из уездов губернии, во время обоих собраний старался позиционировать себя в качестве лидера крымско-татарского общества. Здесь можно сделать несколько предположений.

И.Гаспринский в своей публикации «Открытое письмо г.и.д. муфтия А.М.Карашайскому» предположил, что его недовольство могли вызвать некоторые публикации на страницах газеты о делах Духовного правления, поэтому публично обратился к А. Карашайскому: если эти публикации оклеветали ТМДП, то пусть его председатель привлечет редакцию газеты к судебной ответственности⁷⁷.

Можно высказать еще ряд предположений о причинах кардинального изменения позиции А. Карашайского. Во-первых, можно предположить, что недовольство отдельными пунктами петиции ему лично высказал губернатор В.Ф.Трепов, что стало сигналом к отказу от поездки в столицу в качестве руководителя депутации. Дело в том, пункт петиции о наделении безземельных крымско-татарских крестьян землей, а в горной части Крыма разрешить в пользу коренного населения вопрос о «приписных» лесных дачах являлся очень серьезной претензией к предыдущей политике имперской

власти и предполагал кардинальный пересмотр сложившейся системы землевладения. Ведь главным виновником в обезземеливании крымских татар и экспроприации у мусульман лесов являлись самодержавие и местная администрация. В.Ф.Трепов понимал невозможность исполнения этого пункта петиции, который возродил у местного населения надежду на историческую справедливость, а значит, угрожал дестабилизацией обстановки в губернии.

Вторая причина, самая веская, могла быть связана с меркантильными интересами А. Карашайского – невозможностью повторно быть избранным на должность муфтия после завершения пятилетнего срока службы.

В-третьих, можно предположить, что А. Карашайский, стремясь выработать собственную позицию и обратить внимание правительства на необходимость реформирования управления духовными делами мусульман и повышения статуса исламских религиозных институтов, решил максимально воспользоваться ситуацией. Выставляя крымско-татарское духовенство в качестве самостоятельной общественной силы, а религиозные нужды – в качестве проблем, требующих неотлагательного и автономного решения, он стремился решить те вопросы, которые были озвучены в начале 1890-х гг., когда по поручению тогдашнего министра внутренних дел И.В.Дурново в ТМДП специально приезжал чиновник особых поручений МВД В.В.Вашкевич⁷⁸. Во время общения с ним мусульмане, безусловно, довели до сведения высокопоставленного гостя информацию о нуждах духовенства и ТМДП⁷⁹. Однако после отъезда чиновника из г.Симферополя каких-либо мер не было принято. Теперь поступающие вести о благосклонном отношении столичных чиновников к ходатайству мусульман

давали А.Карашайскому надежду на реанимацию в правительственных кругах идеи реформирования духовных дел крымских татар. Такая идея у А.Карашайского могла возникнуть под впечатлением событий, происшедших в г. Уфе, и активности оренбургского муфтия М.Султанова. Как было рассмотрено, газета «Тарджеман» (№28) 12 апреля, спустя пять дней после собрания мусульман полуострова, на котором был утвержден текст ходатайства правительству, опубликовала текст петиции оренбургского муфтия М.Султанова, переданной в Комитет министров⁸⁰. Как видно, М.Султанов, как глава всех мусульман округа ОМДС, самостоятельно довел до сведения премьер-министра С.Ю.Витте проблемы, требующие разрешения, обособясь от мнения мусульманского сообщества округа ОМДС. Более того, по итогам встречи с С.Ю.Витте он получил разрешение на проведение в ОМДС совещания улемов, посвященного разработке проекта нового устава религиозного управления. 29 апреля в газете «Тарджеман» был опубликован список участников Уфимского совещания улемов, которое состоялось во второй декаде апреля⁸¹.

Непредсказуемое поведение А.Карашайского вызвало недовольство и негодование И.Гаспринского, который оценивал его действия чуть ли не как предательство интересов мусульман полуострова, внесение раскола в крымско-татарское сообщество.

В губернии 25,2% крымско-татарского населения проживало в городах, и среди жителей, в отличие от сословно-социальной структуры мусульманского общества Волго-Уральского региона, существовало несколько иное соотношение сословно-социальных групп. Согласно сословной иерархии Российской империи, крестьяне составляли 72% крымских татар, меща-

не – 21,5%, купцы и потомственные и личные почетные граждане – 0,8 %⁸².

Большое влияние на общественное мнение мусульман полуострова оказывали мусульманские духовные лица, численность которых в 1891 г. в губернии составляла 774 человека⁸³, которые, как и дворяне, были освобождены от всех налогов и повинностей (кроме всеобщей воинской повинности), и мурзы – потомки средневековой феодальной элиты, записанной в российское дворянство. Мурзы-дворяне занимали высокое социальное положение и играли важную роль в социальной жизни соотечественников, составляя на рубеже столетий 1,4% татарского населения⁸⁴. Во время проведения Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Таврической губернии потомственными дворянами (с членами семей) записалось 1641 человек (875 м.п. и 766 ж.п.), что составляло 13,2% всех потомственных дворян губернии и 0,8% крымско-татарского населения (для сравнения: удельный вес потомственных дворян в общей численности населения губернии составлял лишь 0,1%). Среди единоверцев крымско-татарские потомственные дворяне по численности занимали третью позицию после привилегированной корпоративной группы мусульман Уфимской и Минской губерний⁸⁵. Из них 305 душ обоего пола проживало в городах (18,6% всех потомственных дворян, проживавших в городах губернии), более 2/3 (69,2%) крымско-татарского потомственного дворянства являлись сельскими жителями – 1336 человек (81,4% потомственных дворян, проживавших в уездах)⁸⁶.

Личных дворян⁸⁷ насчитывалось 566 душ обоего пола, что составляло 5,5% всех личных дворян губернии и 0,3% крымско-татарского населения⁸⁸. Среди татарско-мусульманского населения регионов это была самая много-

численная группа личных дворян; однако большинство из них проживало в уездах (80,2%)⁸⁹.

Дворяне, кажется, не ожидали, что духовные лица, большинство которых не знало русского языка и придерживалось традиционных взглядов, могли самостоятельно публично высказываться и составить для подачи правительству собственного прошения.

И.Гаспринский в одной из своих публикаций в «Тарджемане» резко критиковал орenburgского и таврического муфтиев: «...в Крыму и Уфе духовные управления наши в лице муфтиев и ближайшего нашего «духовенства» в деле изложения правительству народных нужд стали в некоторого рода оппозицию в отношении народа. В петициях уфимском и крымском 2-й под именем нужд народа до наивности прозрачно «правленцы» хлопочут об интересах касты и кружка, думая, что народ все еще остается и должен оставаться быдлом и дойной коровой... Эти последние не видят, что за последние 25 лет народилась новая интеллигенция и народное общественное мнение, чего ранее не было. Ныне среди городского населения и купечества мусульман, среди самого духовенства и даже среди сельских обывателей, есть немало людей, думающих «о народе», а потому желающих говорить и работать для него. Если прибавить к этой чисто народной группе просвещенных европейски мусульман, то мы увидим, что существует новая живая сила, с которой надо считаться»⁹⁰.

Руководитель крымско-татарской депутации смотрел на проблему широко и считал, что религиозные нужды являются лишь одной из многочисленных проблем крымских татар, он подчеркивал, что «В высокоотеческой и монаршей заботе о России и ее народах государь император дал право всем высказаться об обще-

ственных нуждах и пользах; приказал составить проект собрания народных выборных для постоянного общения с нуждами и желаниями великой России, а наши некоторые чалмоносцы, забыв, что они только пастыри, лезут в роль плохого урядника и, якобы что-то предупреждая и пресекая, желают обделать узко кастовое дело. Не этого требует государь, не этого желает народ»⁹¹.

Видимо, под воздействием влиятельных мурз или преодолев давление А.Карашайского, некоторые авторитетные духовные лица, присутствовавшие 7 апреля на собрании, отказались от намерения составить отдельную петицию. В частности, кади-эскер заявил, что «он теперь по своим убеждениям и по шарияту заодно с общим желанием мусульман», о чем телеграммой сообщил находившимся в Петербурге депутатам. Так же поступил и Алуштинский кадий, а симферопольский кадий заявил, что он «впредь ничего противного общим желанием, в петиции выраженных, совершать не будет»⁹².

Согласно газете «Тарджеман», «казьями был пущен слух, что некоторые статьи общей петиции не согласны с требованиями шарията и потому для спасения душ мусульман от греха ими составлена другая петиция. Во всем согласно требованиям и указаниям шарията. Этот ловкий маневр и обман были пущены в ход, чтобы хитро заманить простой народ к подписанию контрпетиции»⁹³.

Муфтий, заявляя о «шариатских неточностях» в петиции, сумел организовать сбор подписей за подачу нового ходатайства⁹⁴. В результате, сторонники И.Гаспринского стали называть документ, принятый 7 апреля на собрании общественности, «народной петицией» или «общей петицией», а ходатайство А.Карашайского – «контрпетицией»⁹⁵.

Секретарь газеты «Тарджеман» А.Леманов, ознакомившись с текстом «контрпетиции», в своей публикации, посвященной разоблачению двойственной позиции А. Карашайского, писал, что в ней «по шарияту» изменены те пункты, которые затрагивают их (духовных лиц. – *И.З.*) интересы⁹⁶.

Ранее в газете «Тарджеман» (№ 41) от 27 мая 1905 г. была опубликована заметка «Крымский муфтий и духовенство», в которой приводилась выдержка из столичной газеты «Новое время». Согласно этой публикации, одним из главных требований новой петиции являлось возвращение в ведение ТМДП всех вакуфов и капиталов, которые с 1885 г. находились в компетенции «Временной комиссии о вакуфах».

Таким образом, если оценивать «всеобщую петицию» и столичную петицию крымско-татарской депутации как мнение приверженцев либерального общественного движения, содержащее некоторые оттенки взглядов эсеров (по части ревизии земельных отношений в Крыму – возвращение незаконно отнятых имперской властью лесных угодий крымских татар и обеспечение наделами безземельных единоверцев). В них во главу угла поставлен комплексный подход к решению проблем и нужд единоверцев. Третья петиция была составлена председателем ТМДП и, возможно, узким кругом духовных лиц, она имеет четкую ведомственную направленность и ориентирована на расширение полномочий Таврического магометанского духовного собрания. Адиль мурза Карашайский, очевидно, не мог допустить, чтобы его петиция была лишь дополнением к ранее поданному в Комитет министров прошению. Между тем, такой подход мог стать разумным компромиссом.

Какие просьбы крымских татар были выполнены правительством?

23 сентября 1905 г. директор ДДДИИ направил петицию крымских мусульман, которая 16 мая была вручена премьер-министру С.Ю.Витте, графу А.П. Игнатьеву, председателю Особого совещания по делам веры⁹⁷.

Однако Манифестом от 6 августа 1905 г. было объявлено об учреждении Государственной думы. В результате был установлен новый порядок делопроизводства по внесению и рассмотрению законопроектов. Подлежащие ведению Государственной думы дела должны были вноситься в нее исключительно после предварительного обсуждения в Совете министров, что явилось главной причиной ограничения деятельности Особого межведомственного совещания по делам веры под председательством графа А.П. Игнатьева (29 ноября 1905 – 28 мая 1906 г.) лишь сбором материала по вышеуказанным вопросам и выработкой «руководящих начал». После закрытия Совещания его материалы поступили в распоряжение Совета министров, а оттуда в Министерство внутренних дел.

Некоторые озвученные в петициях 1905 г. проблемы единоверцев попытались решить депутаты Таврической губернии. Во II Государственную думу из Таврической губернии депутатом был избран Абдурешид Медиев (1880–1912), который на одном из заседаний огласил наказ «братьев татар» с жалобами на расхищение чиновниками вакуфных земель⁹⁸. Депутат III Государственной думы – член депутации 1905 г. отставной полковник Исмаил мурза Муфтий-Заде – инициировал разработку законопроекта о допущении к мусульманским духовным должностям лиц недуховного сословия, который получил силу закона в 1912 г. под названием «О допущении к занятию мусульманских духовных

должностей при мечетях округа Таврического магометанского духовного правления лиц всех сословий»⁹⁹.

По распоряжению Таврического губернатора надзор за правильным расходованием пособий, выделяемых ежегодно из сумм вакуфного капитала упраздненных мечетей (от 30 до 40 тыс. руб.), был возложен на Духовное правление. Однако в действительности ТМДП через уездных кадиев не могло эффективно контролировать эти расходы. С одной стороны, экспертиза предполагала наличие у человека специальных технических знаний, с другой – в Духовном правлении отсутствовали средства для командировки кадиев на эти культовые объекты. Поэтому религиозное управление ограничивалось запросом через уездных кадиев у татарских приходов счетов – документов, подтверждающих реальные расходы. Муфтий просил ДДДИИ возложить эту функцию на строительное отделение Таврического губернского правления, сотрудники которого занимались проверкой технической документации реконструирующихся и строящихся мечетей и выезжали на строящиеся из камня объекты на предмет соблюдения технологии строительных работ¹⁰⁰.

Манифест от 17 октября 1905 г. о предоставлении российским подданным основных гражданских свобод подвел юридическое основание для существования периодики на татарском языке. Если ранее «Тарджеман» издавался на русском и тюркском языках, с 101-го номера, в декабре 1905 г. – только на тюркском языке. Сам И.Гаспринский в 1905 г. получил право на издание газеты для женщин «Галаме Нисан» («Мир женщин»), в 1906 г. – юмористического журнала «Ха-ха-ха», затем – еженедельника «Миллет» («Народ»)¹⁰¹. В 1907 г. в г. Белогорске Абдурешидом Медиевым

издавалась газета «Ватан хадими» («Слуга отечества») и т.д.

Таким образом, открытое обсуждение насущных проблем различных сословных групп крымских татар и составление «народной петиции» способствовали консолидации мусульман, позитивно повлияли на активизацию их социального поведения. Благодаря составлению новой

редакции петиции выехавшие в столицу депутаты довели до правительства юридически более выверенное и более адекватно отражающее нужды мусульман России и Крымского полуострова ходатайство. С политической точки зрения эти прошения соответствовали либеральным ценностям. Однако лишь малая часть этих просьб была исполнена правительством.

Список сокращений

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий.

МВД – Министерство внутренних дел.

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание.

ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ПСЗ-3. – Т. 24. – № 25495.

² ПСЗ-3. – Т. 25. – № 25853.

³ Сенчакова Л.Т. Предисловие // Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905 – 1907 гг. Сборник документов. Авт.-сост. Л.Т.Сенчакова. Под ред. В.П.Данилова и А.П.Корелина. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 4.

⁴ Ганкевич В.Ю. Депутация крымских татар в С.-Петербурге в 1905 г. // Проблемы и перспективы истории Крыма: Итоги и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Симферополь, 24-25 мая 1996 г. – Симферополь: Б.И., 1996. – С. 24–27.

⁵ Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. – Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008. – С. 42–58.

⁶ Богданович И.А., Шендрикова С.П. Общественно-политическое движение мусульман Российской империи. Газета «Терджиман» как источник по истории возникновения общественно-политического движения мусульман Российской империи // <http://turkology.tk/library/206>

⁷ Ходатайство казанских мусульман // Тарджеман. – 1905. – № 17. – 4 марта.

⁸ Тарджеман. – 1905. – № 20. – 15 марта.

⁹ Тарджеман. 1905. – №19. – 11 марта.

¹⁰ Разные вести // Тарджеман. – 1905. – № 22. – 22 марта; № 23. – 25 марта.

¹¹ Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Тарджеман. – 1905. – № 28. – 12 апреля.

¹² Мусульманские петиции // Тарджеман. – 1905. – № 34. – 3 мая.

¹³ Еврейские ходатайства // Тарджеман. – 1905. – № 22. – 22 марта.

¹⁴ Еврейские ходатайства // Тарджеман. – 1905. – № 22. – 22 марта.

¹⁵ Таржеман. – 1905. – №32. – 26 апреля

¹⁶ Ходатайство крымских мусульман // Тарджеман. – 1905. – № 24. – 29 марта.

¹⁷ Мартынов П. Последняя миграция татар из Крыма в 1874 году // Исторический вестник. – 1886. – Т. XXIV. – С. 698–708.

¹⁸ Мусульманские петиции // Тарджеман. – 1905. – № 34. – 3 мая.

¹⁹ Постановление собрания мусульман крымского полуострова // Тарджеман. – 1905. – № 31. – 22 апреля.

²⁰ Богданович И.А., Шендрикова С.П. Указ. соч.

²¹ В частности, «Народное собрание» просило преобразовать Симферопольскую татарскую учительскую школу в среднее учебное заведение и усилить в ней преподавание татарского языка и грамоты (п. 17).

²² *Конкин Д.В.* Вакуфный вопрос в системе взаимоотношений российского самодержавия и мусульман Крыма (конец XVIII – начало XX вв.) // Мусульманские духовные лица в социальном и духовном развитии татарского народа (XVII – начало XX вв.). Сб. статей. / Отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «Яз», 2014. – С. 104.

²³ *Конкин Д.В.* Указ. соч. – С. 106.

²⁴ *Загидуллин И.К.* К вопросу об управлении вакфами в Крыму (последняя четверть XVIII – начало XX вв.) // Благотворительность в России: исторический опыт, проблемы возрождения традиций и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 5 апреля 2007 г.). – Казань: Изд-во «Милли китап», 2008. – С. 68–74.

²⁵ *Конкин Д.В.* Указ. соч. – С. 104.

²⁶ *Загидуллин И.К.* Указ. соч. – С. 73.

²⁷ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 172–172 об.

²⁸ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 807. – Л. 170–172 об.

²⁹ *Конкин Д.В.* Указ. соч. – С. 108.

³⁰ О управлении духовных дел магометан // Свод законов Российской империи. – Т. 11. – Ст. 1384, 1387, 1389, 1390.

³¹ Там же. – Ст. 1346.

³² Там же. – Ст. 1393.

³³ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайретдинова З.З.]. – Симферополь: Элиньо, 2009. – С. 145–147.

³⁴ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – С. 143, 144.

³⁵ Свод учреждений и уставов управлений духовными делами иностранных исповеданий христианских и иноверных. Изд. 1857 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 11. – Ч. 1. – Ст. 1172.

³⁶ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – С. 145–149.

³⁷ Там же. – С. 143–144.

³⁸ ПЗС-3. – Т. 11. – № 7754.

³⁹ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – С. 145.

⁴⁰ Мустафа мурза Кипчакский получил военное образование, после отставки работал почетным мировым судьей и членом Симферопольской уездной земской управы, в момент подачи прошения Кипчакский являлся ее председателем. В 1916 г., после смерти таврического муфтия А.Карашайского, он рассматривался в качестве одного из возможных кандидатов на эту высокую должность, однако муфтием был определен кади-эскер Д.Кунтуганский.

⁴¹ *Мустафа Давидович* (?–1914) – дворянин, из литовских татар, выпускник Московского кадетского корпуса, городской голова Бахчисарая в 1885–1907 гг.

⁴² Муфтий-Заде Исмаил мурза (1841–1917) – выпускник военного корпуса, бывший офицер команды Лейб-гвардии Крымских татар конвоя (упразднен в 1890 г.), дослужившийся до звания полковника, дворянин, землевладелец (821 дес.), автор исследования «Очерк столетней военной службы крымских татар с 1783 по 1904 гг. по архивным материалам», почетный попечитель Симферопольской татарской учительской школы в 1893–1903 гг., затем – председатель Крымского мусульманского благотворительного общества, депутат III Государственной думы (Усманова Д.С. Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фэн АН РТ, 2005. – С. 562.

http://tatkonvolut.at.ua/publ/tarih/abibullaeva_d_i_mecenatstvo_krymskotatarskoj_ehlity_v_konce_xix_nachale_xx_vv/6-1-0-48.

⁴³ Гаспринский Исмаил (1851–1914) – общественный и политический деятель, просветитель, педагог, издатель, из дворян. С апреля 1883 г. стал издавать тюркоязычную газету «Тарджеман». В медресе, основанном им в 1884 г., ввел новый (звуковой) метод обучения арабскому алфавиту, включил в программу ряд светских предметов, поэтому его медресе стало образцом для многих новометодных учебных заведений в России. В период революции 1905–1907 гг. был одним из организаторов двух съездов крестьян Крыма, участник 1, 2 и 3-го Всероссийских съездов мусульман. (Татарская энциклопедия. – Т. 2. – Казань, 2005. – С. 64. См. более подробно: Куркчи Л.И. Исмаил-бей Гаспринский // Дружба народов. – 1991. – № 12; Ганкевич В. На службе правде и просвещению. – Симферополь, 2000).

⁴⁴ Тарджеман. – 1905. – № 28. – 12 апреля.

⁴⁵ Тарджеман. – 1905. – № 35. – 6 мая.

⁴⁶ Еще о депутатии // Тарджеман. – 1905. – № 41. – 27 мая; Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 42. – 31 мая.

⁴⁷ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 24.

⁴⁸ *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – С. 81.

⁴⁹ Разные вести // Тарджеман. – 1905. – № 36. – 10 мая.

⁵⁰ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 117.

⁵¹ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 42. – 31 мая; № 43. – 3 июня; №44. – 7 июня.

⁵² *Ганкевич В.Ю., Шендрикова С.П.* Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. – Симферополь: Издательство «ДОЛЯ», 2008. – С. 51–54; Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵³ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵⁴ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵⁵ Докладная записка уполномоченных крымских мусульман, поданная г. министру народного просвещения // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁵⁶ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня; № 44. – 7 июня.

⁵⁷ Крымская депутатия в С.-Петербурге // Тарджеман. – 1905. – № 47. – 17 июня.

⁵⁸ Крымская депутатия // Тарджеман. – 1905. – № 41. – 27 мая.

⁵⁹ Жарулла Муса. Ислахат эсаслары. – Пг., 1917. – 5–6 б.

⁶⁰ Там же. 9–11 б.

⁶¹ Мусульманское собрание // Тарджеман. – 1905. – № 48. – 21 июня.

⁶² Там же.

⁶³ Исмаил. Татарская прогрессивная партия // Тарджеман. – 1905. – № 52. – 5 июля.

⁶⁴ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 118–122 об.

⁶⁵ *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. – С. 21, 52.

⁶⁶ Статья 262 «Положения об управлении Туркестанского края» 1886 г., согласно которой «Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами нехристианских вероисповеданий воспрещается» (Положение об управлении Туркестанским краем. Изд. 1892 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 2. – Ч. 1. – Ст. 262).

⁶⁷ Пункт 11-й гласил: «...чтобы состав Таврического магометанского духовного правления был выборным, сроком на пять лет. Избрание муфтия и его помощника кади-эскера должно быть производимо всем мусульманским населением полуострова, а уездных кадиев мусульманским населением всего уезда по принадлежности, в отмену существующего порядка назначения и существовавшего ранее порядка выборов» разделен на п. 10 («Чтобы Таврический муфтий, кады-эскер и уездные кадии избирались

из всех сословий и состояли без исключения всеми классами населения Крыма; муфтий и кады-эскер уполномоченными от всех уездов Крыма, а кадии по уездам...» и п. 11 («Чтобы муфтий, кады-эскер и уездные кадии избирались на пять лет...»).

⁶⁸ Пункт 16-й гласил: «чтобы были приняты соответствующие меры по наделению безземельного населения Крыма землею, к содействию в тех же видах Крестьянского банка разрешать, а в горной части Крыма разрешать в пользу населения вопрос «о приписных» лесных дачах, дабы оно не было лишено права пользования своими лесами в пределах лесоохранительного закона». Из текста созданы два пункта: просьба о расселении «на перешедших в казну от татар по выморочному праву землях татар были бы поселены безземельные татары и в горной части полуострова приписные лесные дачи были бы переданы в пользование их собственникам в пределах лесоохранительного закона» (п. 18) и просьба о распространении на татар хлебопашцев финансовой помощи Крестьянского банка при обеспечении их землей (п. 8).

⁶⁹ Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 года // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2015. – № 1–2. – С.59.

⁷⁰ «Без допущения всесословного выбора состава Духовного правления на ограниченный срок, удовлетворение нашей просьбы касательно круга деятельности и прав этого учреждения потеряет почти всякое значение, так как только при просимом порядке избрания выполнение Духовным правлением его обязанностей может подлежать проверке общества и даже правительственной власти» (РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 111 об.).

⁷¹ Устав строительный. Изд. 1900 г. // Свод законов Российской империи. – Т. 12. – Ч. 1. – Ст. 157.

⁷² В статьях 1352, 1356, 1358, 1359 Устава «Об управлении духовных дел магометан» перечислены лишь духовные звания мусульманского духовенства (муфтий, кади-эскер, уездные кадии, муллы, хатибы, имамы, муадзины, «служители при мечетях», мударисы, гочи и шейхи – начальники текий), в статье 1360 помещалось высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке замещения таврических муфтия и кади-эскера» от 27 мая 1891 г. (ПЗС-3. – Т.ХІ. – № 7754).

⁷³ Пункт 4: «Чтобы подкиннутые перед мечетями и жилищами мусульман дети были отдаваемы на попечение мусульман с правом регистрировать их в мусульманскую веру»; пункт 5: «Чтобы сыновья мусульман, перешедшие в иноверие по отношению к отбыванию воинской повинности, не считались членами семьи на основании тех же соображений, как и принявшие иностранное подданство»; пункт 19: «Признано было необходимым преобразование Симферопольской татарской учительской школы с расширением программы до степени среднего учебного заведения, о чем подается особое ходатайство Министру народного просвещения».

⁷⁴ Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – М., 2007. – С. 104–105.

⁷⁵ Загидуллин И.К. «Татарские социалисты» в петиционной кампании мусульман России 1905 года / И.К.Загидуллин, Н.С.Хамитбаева // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. – № 5. – С.72–95.

⁷⁶ А.Л. Крым // Тарджеман. – 1905. – № 51. – 1 июля.

⁷⁷ Открытое письмо г.и.д. муфтия А.М. Карашайскому // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁷⁸ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 12. – Д. 262. –Л. 120 об.–121.

⁷⁹ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 408. – Л. 8.

⁸⁰ Петиция оренбургского муфтия в комитет министров // Тарджеман. – 1905. – № 28. – 12 апр.

⁸¹ О совещании в Уфе // Тарджеман. – 1903. – № 33. – 29 апреля.

⁸² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 41. Таврическая губерния. – СПб., 1904. – Ведомость XXIV. – С. 274–275. Подсчитано нами.

⁸³ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 408. – Л. 129–130.

⁸⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.41. Таврическая губерния. – СПб., 1904. – Ведомость XXIV. – С. 274–275. Подсчитано нами.

⁸⁵ *Байбулатова Л.Ф.* Из истории татарского мусульманского дворянства Российской империи в XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: Сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. И.К.Загидуллин.– Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – С. 50–51. Таблица 1.

⁸⁶ *Байбулатова Л.Ф.* Указ соч. – С. 56–57. Таблица 3.

⁸⁷ Личное дворянство приобреталось тремя путями: 1) пожалованием монарха; 2) достижением определенного чина на действительной службе; 3) пожалованием российского ордена за «служебные отличия».

⁸⁸ *Байбулатова Л.Ф.* Указ соч. – С. 54–55. Таблица 2.

⁸⁹ *Байбулатова Л.Ф.* Указ соч. – С. 56–57. Таблица 3.

⁹⁰ Тарджеман. – 1905. – № 59. – 29 июля.

⁹¹ Тарджеман. – 1905. – № 59. – 29 июля.

⁹² Тарджеман. – 1905. – № 39. – 20 мая.

⁹³ А.Л. Крым // Тарджеман. – 1905. – № 48. – 21 июня.

⁹⁴ Открытое письмо г.и.д. муфтия А.М.Карашайскому // Тарджеман. – 1905. – № 43. – 3 июня.

⁹⁵ А.Л. Крым // Тарджеман. – 1905. – № 51. – 1 июля.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ РГИА. – Ф.821. – Оп.10. – Д.30. – Л. 58.

⁹⁸ *Конкин Д.В.* Вакуфное землевладение в Крыму в конце XVIII – начале XX вв.: Дисс... канд. ист. наук. – Симферополь, 2013. – С. 171.

⁹⁹ Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайретдинова З.З.]. – Симферополь: Элиньо, 2009. – С. 156–157.

¹⁰⁰ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 627. – Л. 2–2 об.

¹⁰¹ *Ганкевич В.Ю.* На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914) / Вступ. статья А.Р. Эмирова. – Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2000. – С. 151–158.

Аннотация

В статье освещаются подготовка текста петиции о нуждах крымских татар и подача ее депутацией во главе с И.Гаспринским правительству в 1905 г., основные положения ходатайства и значение этого события в общественной жизни мусульман Крымского полуострова и России.

Ключевые слова: Петиционная кампания мусульман 1905 г., крымские татары, И.Гаспринский, А.Карашайский.

Summary

The article is devoted to the text preparation of the petition about the needs of the Crimean Tatars and its submission to the government by deputation headed by I. Gasprinsky in 1905. Also there reflected the main provisions of the petition and shown the importance of this event for the public life of Muslims of the Crimean peninsula and Russia.

Keywords: petition campaign of the Muslims 1905 year, Crimean Tatars, I. Gasprinsky, A. Karashaisky.